

Антонио Сикари. Портреты Святых
СВЯТОЙ ВИНСЕНТ ДЕ ПОЛЬ

День памяти 27 сентября

Если бы мы хотели выбрать эпоху и страну, где величайшая нищета сочеталась бы с величайшим блеском - в христианском понимании этих слов, - быть может, нам пришлось бы остановиться на Франции первой половины XVII века. Это было время, когда страна была разорена Тридцатилетней войной, которая в значительной степени была войной гражданской, а потом, сразу же после нее - крестьянскими бунтами и восстаниями в городах, объединившимися в грозное движение - Фронду, ставшее отдаленным прообразом Французской революции.

Однако здесь нас, конечно, интересуют прежде всего не политические события, но трагические и горестные судьбы людей, бесчисленное множество которых оказалось в ту пору отверженными.

Чтобы охарактеризовать сложившуюся ситуацию, приведем письмо, которое Винсент де Поль написал Папе Иннокентию X с просьбой вмешаться и усмирить междоусобную рознь:

"Как описать бедственное и, несомненно, достойное всяческого сожаления состояние нашей Франции? В королевском доме раздоры; народ разбит на враждебные партии - города и села разорены гражданскими войнами; предместья, поселения и замки разрушены, разграблены и сожжены; крестьяне не могут собрать то, что посеяли, и сеять на следующий год. Солдаты безнаказанно

позволяют себе любые бесчинства. Они не только грабят народ и разбойничают, но и совершают убийства и мучают людей: крестьян они пытаются или убивают; девушек бесчестят; даже монахини беззащитны против их распутства и ярости; церкви ими осквернены, разграблены, разрушены; те же, которые еще сохранились, брошены пастырями, и народ почти лишен таинств... Недостаточно слышать или читать об этом, нужно это видеть и убедиться в этом своими глазами".

С другой стороны, положение Церкви в силу многих причин тоже нельзя было назвать благополучным, и, казалось, она не могла противопоставить свою нравственную и духовную силу всеобщему распаду.

Реформы Тридентского Собора остались практически мертвой буквой: многие епископские кафедры по-прежнему находились в руках знатных семейств, которые передавали их по наследству и были совершенно равнодушны к духовным вопросам.

С другой стороны, назначение кандидатов в епископы находилось в ведении королевского совета, который часто пользовался этим правом в корыстных целях.

Впоследствии, когда Винсента де Поль призвали в корне изменить этот порядок вещей, он с горечью сказал обличительные слова: "Я боюсь, что эта проклятая торговля епископскими кафедрами навлечет проклятие Божье на наше королевство!".

Положение в рядах духовенства было еще более тревожным: там, где не было открытой безнравственности (впрочем, достаточно широко

распространенной), царила непобедимая лень и неслыханное невежество: некоторые священники не умели ни читать, ни писать, другие не знали, как совершать таинства.

Сам Винсент де Поль рассказывал, что ему довелось познакомиться со священником, который, выслушав исповедь, что-то бормотал, потому что не знал формулы отпущения грехов, и с другим, который по любому поводу читал "Богородице Дево" - единственную молитву, которую знал.

В монастырях дисциплина пришла в упадок, традиции были забыты, а нравы испорчены.

Многое можно объяснить тем, что в те времена знатные люди, по справедливому замечанию одного историка, "доверяли Церкви рождавшихся в чрезмерном количестве сыновей и дочерей, которых надо было как-то пристроить" (к тому же времени относится рассказ Мандзони о монахине из Монцы).

С другой стороны, многим молодым людям низкого социального происхождения Церковь казалась единственно возможным способом вырваться из нищеты и безвестности.

Поэтому многие молодые люди, еще почти юноши, абсолютно лишенные призвания, принимали рукоположение от покровительствовавших им епископов.

Сам Винсент де Поль стал священником, по-видимому, в возрасте 18 лет и был незаконно рукоположен престарелым, почти слепым епископом.

Однако рассмотрим и другую сторону медали: начало XVII века во Франции было ознаменовано появлением святого Франциска Сальского - личности, наделенной великой притягательной силой. Его "благочестивый гуманизм", его пастырская деятельность и его блестящие книги положили начало обновлению церковной жизни.

После него самой видной фигурой стал тот, кого называли "учителем ученых и наставником святых", знаменитый кардинал Пьер де Берюль, возглавивший движение глубокого духовного и культурного обновления.

Повсюду возникали новые веяния: можно назвать 27 святых, которые действовали на всей территории Франции и начали в самых разных сферах дело возрождения.

Духовное учение кармелитов и иезуитов распространялось и в самых образованных и в низших слоях общества, и ученые говорят о "великом нашествии мистики".

Бремон, написавший фундаментальное одиннадцатитомное исследование "История религиозности во Франции XVII века", жаловался, что ему пришлось многое опустить.

Кроме того - хотя и с другой точки зрения - мы не должны забывать, что этот век был также веком Корнеля, Мольера, Декарта, Паскаля, Боссюэ.

Однако первое место в любом случае принадлежит Винсенту де Поль, сумевшему претворить "великое

нашествие мистики" в разнообразную деятельность, часто почти невероятную, - именно он был предтечей и наставником Церкви во всей ее социальной деятельности в течение трех последних веков.

На протяжении всей его жизни, исполненной неутомимого труда, его уважительно и ласково называли господином Винсентом. Сегодня написано около 1500 его биографий.

Когда де Поль был еще мальчиком, жучок, подтачивавший его сердце, как бы сидел в самой его фамилии, которую он произносил с иронией: "де Поль" - в частичке "де" содержался намек на благородное происхождение, однако имя "Поль" указывало всем, что его далекий предок был обычным человеком, таким безвестным, что у него даже не было фамилии или прозвища.

Маленький Винсент - который был одарен поистине необычайным умом - рос с желанием вырваться из мира нищеты, доставшегося ему в удел: он жил в селенье из пятидесяти глинобитных домов, затерянном среди болот, в крестьянской семье, в которой его обязанностью начиная с шести лет было присматривать за свиньями.

Счастливым случаем представился, когда местный помещик, проезжая через свои земли, отметил необычайный ум мальчика и убедил его отца отпустить его учиться в ближайший город в колледж.

Итак, Винсент уехал из дому, твердо решив забыть о своем происхождении и выбиться в люди. Однажды, когда его отец в кои-то веки приехал навестить его в

колледж, где он учился, юноша отказался выйти в комнату для свиданий с родными, потому что не хотел, чтобы товарищи увидели, как он беседует с бедняком.

Когда он стал стар и свят, он всегда помнил этот случай и сам, плача, много раз рассказывал о нем: "Не захотев выйти поговорить с ним, я совершил великий грех". К тому времени он был самым уважаемым священником Франции и толпы людей приходили к нему, но никому он не забывал доверительно сказать: "Я - всего лишь бедный крестьянин и был свинопасом. Моя мать была прислугой".

Однако прежде чем с любовью и достоинством принять бедность Христову и свою собственную бедность, Винсент, как сам он говорил впоследствии, попал в "паутину", сотканную из тщеславия и ухищрений с целью сделать блестящую карьеру.

После того сомнительного рукоположения в священники, о котором мы говорили, в его жизни был неясный период со странными происшествиями (тюремное заключение в Тунисе, где он был в рабстве у хозяина-мусульманина). Затем мы видим его неизвестно как попавшим в свиту папского легата, который привез его с собой в Рим - центр христианского мира. Бурная политическая и дипломатическая жизнь в Риме произвела на Винсента большое впечатление.

В Риме он познакомился с послом Франции и через несколько лет вернулся с ним в Париж. К тому времени их связывали настолько дружеские отношения, что Винсенту удалось заручиться верительными грамотами,

чтобы добиться приема у короля Генриха IV. Так ему наконец-то удалось получить скромный церковный доход.

Это было не Бог весть что. Однако ему удалось стать одним из капелланов королевы Маргариты де Валуа.

Именно здесь ожидал его Господь. Капелланы иногда получали пожертвования или даяния на дела милосердия. И вот однажды некто вручил Винсенту сумму, по его представлениям, баснословную.

Что произошло в сердце бедняка, который мечтал о деньгах, однако неизменно сострадал неимущим? Нам это не известно. Однако нам известно, что на следующий день господин Винсент явился в близлежащую больницу и оставил все эти деньги больным и увечным.

Конечно, это было не единственное "да", сказанное Винсентом Богу, но именно тогда он принял призвание, уготованное ему от вечности.

Он понял, что прежде всего должен стать настоящим священником: он избрал себе духовным отцом де Берюля, который указал ему на необходимость серьезного и бескорыстного священнического служения, добившись для него прихода на окраине Парижа. И впервые среди своих бедных прихожан Винсент понял, что такое счастье.

"Я счастлив, - писал он, - потому что вокруг меня такие хорошие люди, которые исполняют все, что я им говорю... Даже Папа не так счастлив, как я!".

Но Промысел Божий исполнен тайны. Именно Берюль потребовал, чтобы Винсент оставил свой приход, став воспитателем в знатной семье Гонди.

Это была одна из самых знаменитых и могущественных семей страны. Ее предками были итальянские банкиры, приехавшие во Францию вслед за Медичи: Филипп Эманюэль Гонди командовал королевским флотом и имел чин генерала галер, его брат был архиепископом Парижским, а его жена была духовно одаренной натурой, одной из самых замечательных женщин королевства.

В уютном замке Монмирай Винсент, которому в то время было уже 32 года и который должен был бы заниматься только воспитанием трех детей, стал высоко чтимым духовным наставником всей семьи. Однако для того, чтобы побороть ощущение внутреннего дискомфорта, он также учил катехизису бедных крестьян, живших в обширных владениях его господ.

И вот настал день, когда, стремясь разделить с бедными их нищету, он тайно бежал из замка, чтобы стать приходским священником бедной и заброшенной общины в Шатийон ле Домб.

Он оставался там недолго, но именно в это время произошло событие, определившее его жизненный путь. Однажды, когда он собирался начать воскресную Литургию, к нему пришли сказать, что в одном далеко затерянном доме целая семья умирает без какой-либо помощи: все тяжело больны и ни один не может помочь другому.

Во время проповеди Винсент рассказал о происходящем своим прихожанам, препоручив эту всеми забытую семью милосердию своей паствы. Но вот что произошло - об этом с некоторой иронией рассказывает сам Винсент, который смог отправиться в путь только во вторую половину дня:

"После вечерни я взял с собой одного славного человека из города и мы пустились в путь, чтобы навестить этих бедняков. По дороге мы встретили женщин, пришедших раньше нас, а немного дальше - тех, которые уже возвращались обратно. А поскольку было лето и стояла жара, эти добрые женщины садились у дороги отдохнуть и подкрепиться, и их было так много, что можно было подумать, будто это целая процессия".

Все это было трогательно, но Винсент немного рассердился: стремление творить дела милосердия было велико, но не было организовано. За обильными даяниями и щедрой помощью вскоре последовали дни забвения и лишений.

Поэтому Винсент решил объединить всех своих "дам-благотворительниц" в общество. Он дал им правило, которое, по мнению историков, было "маленьким шедевром организованности и милосердия", правило, в котором предусматривалось все: как найти подход к нуждающейся семье, как и в каком порядке нести поочередное дежурство, как раздобыть необходимую помощь и вести отчетность, как ухаживать за больными ради любви к Иисусу, как их кормить, как разумно использовать время...

Винсент назвал это первое общество мирян (на несколько веков предвосхитив некоторые современные начинания!) словом, воспламененным огнем христианства: "Каритас", милосердие, любовь. Это слово, в христианском учении обозначающее Самого Бога и богословскую добродетель, которую Он изливает в наши сердца, стало для Винсента (по традиции, восходящей к Средневековью) как бы общим, "семейным" наименованием, которое он дал своим обществам. И вскоре маленькие благотворительные общества возникли по всей территории Франции.

Однако тем временем семейство де Гонди потребовало, чтобы его наставник вернулся: в дело вмешался архиепископ Парижский, вновь вмешался Берюль, вмешались другие видные люди королевства, и Винсенту пришлось уступить: он хотел быть с бедными, а ему приходилось жить с богатыми. Но парадоксальным образом именно в этом заключалась его миссия.

В домах богатых он обрел чувство ответственности перед бедными. В то же время ему довелось встретиться с Франциском Сальским, и под влиянием дружбы с этим святым в нем на всю жизнь запечатлелось стремление к святости, исполненной мира, доброжелательности, энергии, нерушимой, но нежной силы.

Ему уже было более сорока лет и в сердце его было одно желание: творить волю Божью и не выказывать нетерпения, если воля эта проявляется лишь постепенно: "Дела Божьи совершаются не тогда, когда этого желаем мы, - говорил он, - но тогда, когда этого желает Бог. Не нужно упреждать Провидение". И еще: "Нужно предаться

Богу, чтобы Он мог действовать через нас". Позже, когда у него уже было много детей и сотрудников, Винсент утверждал: "Когда вы отрешитесь от самих себя, Бог наполнит вас". И именно это произошло с ним. Он предоставил Богу исполнить его благодатью, и Бог даровал ему энергию, чтобы творить бесчисленные дела. Он ничего не планировал заранее.

В свое время он хотел забраться повыше, чтобы "удобно устроиться" в жизни, и Бог вознес его высоко, в замок, чтобы он оттуда приготовил место бедным.

Он научился пользоваться всем - дружбой со знатью и сильными мира сего, государственными законами и свободными даяниями, скупкой и ремонтом мебели, - чтобы повиноваться призванию, врученному ему Богом.

Вот как описывает его один историк:

"Находясь под властью обстоятельств, приспособливаясь к среде, в которой он работал, он всегда извлекал максимальную выгоду из людей и обстоятельств; был точен, осторожен, предусмотрителен; знал, что Бог никогда так охотно не помогает людям, как тогда, когда они помогают себе сами. Он одинаково строго следил за всеми делами, большими и малыми.

Он предписывал себе и другим правила, соблюдая которые, никто не может прогореть. Он воспрещал себе и другим ненужный риск, предприятия, плохо подготовленные, из-за которых часто терпят крах благие религиозные начинания. Как настоящему руководителю, ему было свойственно одновременно целостное,

всеобъемлющее видение вещей и внимание к частностям".

Первое великое достижение Винсента - это те друзья, или, лучше сказать, те сыновья и дочери, которых даровал ему Бог, чтобы они стали сопричастны его харизме, чтобы они пошли по французской земле, а потом - по всему миру, дабы вдохнуть новую жизнь в Церковь.

Францию того времени можно назвать де-христианизированной. Три врага одновременно атаковали ее: протестантизм (религиозные войны еще не закончились!), широко распространенное дремучее невежество в вопросах религии и - среди наиболее ревностных верующих - нарождающийся янсенизм (богословский и нравственный ригоризм), тем более опасный, что он заражал морализмом живые церковные силы.

Своих "сыновей" Винсент де Поль называл "священника-мимиссионерами". Он сам вместе с тремя друзьями начал обдумывать, как по-новому организовать пастырскую деятельность: они поочередно и планомерно посещали деревни, жители которой были лишены духовного окормления (хотя там подчас жили многочисленные бездеятельные священники), останавливались там на 15 дней и проповедовали - дух их проповеди сохранился до наших дней. Винсент говорил:

"Я повсюду произносил лишь одну проповедь, которую переиначивал на тысячу ладов: проповедь о страхе

Божьем..., а тем временем Бог делал то, что предвидел от вечности: благословлял наш труд".

Происходили трогательные обращения, иногда даже массового характера; люди, отвыкшие от слова Божьего, вновь слушали его со смиренной, глубокой тоской: впервые им казалось, что они видят новых апостолов в этих бедных, решительных и пламенных священниках, и они признавали их. Все ждали миссионерских проповедей; иногда случалось даже так, что во время них прекращали работать рынки. По словам Винсента, "воспламенялись даже души, которые казались твердыми, как камень".

Винсент заботился о своей нарождающейся конгрегации: он запрещал проповедовать в том стиле, который господствовал в те времена (а дело было в XVII веке!). "Украшаться павлиньими перьями красивых речей, - говорил он, - значит совершать святотатство, святотатство!". Деятельность новых священников произвела на короля такое впечатление, что он захотел, чтобы миссия проповедовала и при его дворе, а затем - в тех кварталах Парижа, которые пользовались самой дурной славой.

К концу жизни Винсента во Франции проповедовало 840 миссий, и в распоряжении святого было 25 домов, 131 священник, 44 клирика и 52 коадьютора.

Но этого было недостаточно, необходимо было вдохновить и других священников и образовать их. Поэтому Винсент - в то время, когда семинарий еще не существовало, - начал проводить Духовные упражнения

для кандидатов в священники. Его священники выступали на них с проповедями в разных епархиях. Иногда за несколько дней напряженной аскетической и богословской подготовки им удавалось восполнить лакуны в образовании тех, кто должен был принять рукоположение.

Чтобы придать этим начинаниям постоянный характер, сам Винсент стал собирать по вторникам священников, которые хотели его послушать, и проводить с ними беседы. Он вел этот семинар в течение всей своей жизни, каждую неделю, почти без перерывов. Из этой свободной школы вышли все лучшие священники Франции (к их числу принадлежал и Боссюэ, впоследствии сказавший: "Казалось, Сам Бог говорил его устами!").

Наконец (спустя почти сто лет с тех пор, как это было рекомендовано Тридентским Собором), удалось организовать Большую и Малую Семинарию. Дочерьми св. Винсента сначала были дамы из аристократической или буржуазной среды. Их называли "дамами милосердия".

Вокруг Винсента их сгруппировалось очень много: от них он получал всю экономическую помощь, в которой нуждался, от них он требовал всего милосердия, в том числе и деятельного, на которое они были способны, прекрасно отдавая себе, впрочем, отчет в том, что общество того времени не позволяло им заниматься всей ручной работой, в которой бедняки остро нуждались. Винсента не смущало и то, что то здесь, то там возникала как бы "мода на благотворительность". Тем не менее среди его сподвижниц, кормивших бедных в больницах,

были герцогини и княгини и даже королева Анна Австрийская и принцесса Мария Гонзага, будущая королева Польши.

В то время Мольер высмеивал "смехотворных жеманниц", накрашенных и с буклями, праздно проводивших время в салонах, но если бы он беспристрастно судил свое время, он знал бы и о том, что сотни знатных женщин собственноручно ухаживали за бедными уличными бродягами, движимые той свежей, жгучей милосердной любовью, в которой всегда, даже в самые критические времена, находит свое живое выражение вера.

Однако трудностей было немало, и решить их помогла одна из тех встреч, которые становятся знаменами истории.

14 июня 1623 года молодая тридцатидвухлетняя вдова из знатной семьи пришла к Винсенту, чтобы попросить его быть ее духовным отцом. Однако пришла она к нему против воли. До самой смерти св. Франциска Сальского она исповедовалась ему, но не обрела успокоения. Это было измученное существо, исполненное страхов и сомнений, со сложным прошлым. Даже святому женевскому епископу не удалось внести мир в ее душу, а теперь, после смерти Франциска Сальского, ей рекомендовали этого "неказистого коренастого священника, крестьянина с пронизательным взглядом, одетого слишком бедно". Госпожа де Марийяк - в замужестве Легра - преодолев брезгливость, повиновалась.

Винсент также не хотел становиться духовным наставником закомплексованной знатной дамы, но не смог отказаться.

Он зачислил ее в ряды своих дам-благотворительниц и стал наблюдать за ней, не подавая виду. И вот он обнаружил нечто странное: эта женщина, внутренне скованная и мучимая страхами, с расшатанной нервной системой, с бедными становилась спокойной и нежной, как мать. Это стало для Винсента отправной точкой во всем деле духовного руководства ею, и он стал учить госпожу де Марийяк "открыть свое сердце, взяв на себя чужое бремя".

Так госпожа де Марийяк стала его ближайшей сподвижницей на службе бедным, и сегодня Церковь почитает ее как святую Луизу де Марийяк.

Вплоть до того времени в церковной жизни перед женщиной, которая хотела посвятить себя Богу, открывался только один путь: путь общей монашеской жизни с монахинями, принесшими обеты, в затворничестве, за решеткой, в монашеских одеждах, за стенами монастырей с долгими молебнами.

Апостольская деятельность тогда считалась не подходящей для женщин, потому что она могла привести женщин, посвятивших себя Богу, к слишком прямому, опасному столкновению с миром. Прежде чем над этим смеяться, нужно отнестись к этому реалистически. Достаточно вспомнить о том, что даже знаменитый Франциск Сальский пытался найти новый стиль монашеской жизни для женщин, основав институт

"визитандинок": как указывает само его название, девушки, его избравшие, должны были подражать Пресвятой Деве, которая со смиренной любовью посетила свою двоюродную сестру св. Елизавету.

Но перед ним встали такие огромные, непреодолимые трудности, что визитандинкам также пришлось стать монахинями-затворницами (и они остаются таковыми по сей день!). С некоторой иронией, но не без грусти, св. Франциск Сальский говорил: "Не знаю, почему все называют меня основателем, коль скоро я разрушил то, что хотел основать!". Само общество того времени обрекало любые реформы на неудачу.

Однако Винсенту удалось сделать то, чего не удавалось никому: вместе с Луизой де Марийяк он собрал несколько девушек из народа, которые хотели посвятить себя Господу, попрежнему оставаясь в миру, безраздельно служа бедным и отверженным: так родились "дочери милосердия", которых в народе называли "серыми сестрами".

Вот известные слова, знаменовавшие важнейший переворот в традиционной женской монашеской жизни, сказанные Винсентом о новом, в те времена неслыханном юридическом установлении: "Их монастырем будут дома больных и дом настоятельницы. Их кельей - комната, снимаемая внаем. Их капеллой - приходская церковь.

Их монастырским двором - городские улицы. Их затворничеством - послушание. Их решеткой - страх Божий. Их покровом - святая скромность. Их обетами -

неизменное упование на Божественное Провидение и полная жертвенная самоотдача".

Св. Винсенту и св. Луизе также пришлось впоследствии отчасти ввести жизнь своих сестер в установленные рамки, однако они положили начало не только всем современным деятельным, апостолическим конгрегациям, но и всем объединениям женщин, принесших обеты, но живущих в миру, - объединениям, которые сегодня рождаются в рамках различных церковных движений.

Что это конкретно означало в сложной и жестокой жизни общества того времени, можно понять, лишь увидев их за работой. Приведем лишь одну, достаточно знаменательную оценку. Рассказывают, что однажды Наполеону довелось слушать рассуждения нескольких философов о том, что истинная филантропия родилась в эпоху Просвещения. Император слушал со всевозрастающим раздражением и наконец прервал их, сказав: "Все это прекрасно и мило, но найдите мне хоть одну серую сестру!".

Винсент и Луиза занимались именно тем, что находили сотни и сотни "серых сестер" и посылали их туда, где весь народ, а затем и весь мир больше всего страдал от ужасов и жестокости.

Они начали с Отель-Дье, огромной мрачной больницы, которая была подобна язве в самом центре города: там было 20 палат, каждая из которых была рассчитана на 50 мест, но в некоторых из них ютилось до 250 человек. До нас дошли страшные описания, в которых рассказывается

о том, что на одной койке лежало по шесть больных, три головой в одну сторону, а три - в другую, - месиво из живых, ссорившихся друг с другом, и умирающих в агонии.

И это происходило еще в обычное время - когда распространялась зараза или начиналась эпидемия чумы, как это случилось в 1636 году, больница превращалась в настоящий ад.

Монахини, которым было поручено управлять больницей (и вот тот парадокс, о котором мы говорили!) были как раз затворницами, и им приходилось руководить ею "на расстоянии". Они попытались привлечь к делу все религиозные мужские общины Парижа, но без особого успеха.

Винсент сперва послал туда сотни дам милосердия (до 620 человек), включая королеву, а потом поручил постоянное управление больницей своим "дочерям милосердия", которые полностью взяли руководство ею в свои руки на месте.

Как будто этого было еще недостаточно, он одновременно основал "Общество помощи детям-подкидышам": каждый год в одном Париже сотни бедных или незаконнорожденных детей подбрасывались на порогах церквей или отдавались в приют. Ухаживали там за ними отвратительно. Детям давали таблетки лауданума или немного спирта, чтобы усыпить их. Некоторые дети, о спасении которых никто не заботился, умирали, многих продавали.

Винсент пишет:

"Их продавали за восемь грошей нищим, которые ломали им руки и ноги, чтобы разжалобить людей, а потом бросали их умирать с голоду".

Если в 1638 году серые сестры смогли дать приют 12 детям, то в 1647 году этих детей было уже 820. И дело потребовало таких трудов, что неоднократно само его существование было под сомнением.

Не следует питать иллюзий. То была масса малышек, "грязных и крикливых, рожденных от дурных матерей", как говорила Луиза де Марийяк, несмотря на всю свою страстную материнскую любовь к ним. Это было время, когда подойти к "детям греха", как их называли, уже само по себе считалось недостойным и неприличным. И речь шла не только о том, чтобы перепеленать их, но о том, чтобы воспитывать их до тех пор, пока сами они не смогут зарабатывать себе на пропитание. Но вот золотые слова, сказанные Винсентом тем сестрам, которым он поручил это служение:

"Вы будете подражать Деве Марии, потому что будете матерями и девами одновременно. Видите ли вы, дочери мои, что сделал Бог для вас и для них? От вечности Он предустановил это время, чтобы вдохнуть в некоторых женщин желание взять на себя заботу об этих малышах, которых Он считает Своими: от вечности Он избрал вас, дочери мои, чтобы вы служили им.

Какая это для вас честь! Если люди мирские почитают за честь служить детям сильных мира сего, то насколько большая честь уготована вам - служить детям Божьим!".

И он рассказал им о забавной сценке, свидетелем которой стал в то утро: карета с сыном короля (которому тогда было пять лет) поравнялась с каретой королевского канцлера. Гувернантка попросила маленького принца подать руку канцлеру, но канцлер, покраснев, почтительно сказал, что он не достоин прикоснуться к руке маленького короля, добавив: "Я же не Бог!".

В заключение Винсент сказал:

"Видите, дочери мои! он сказал так потому, что речь шла о сыне короля, тоже короле. И если господин канцлер, одно из высших лиц в государстве, не осмеливается дотронуться до его руки, то с каким чувством вы должны служить этим малышам - детям Божьим!".

И сегодня родителям-христианам ясно, сколь многому мог бы их научить такой подход к воспитанию их собственных детей! А Винсент спокойно применял его и к "незаконнорожденным".

И это в то время, когда, по словам одного историка, "жестокость по отношению к новорожденным или нерожденным детям повлекла за собой больше жертв, чем все войны того века". Мы должны подумать и о другом - о том, что сегодня, несмотря на все средства, находящиеся в нашем распоряжении, мы совершаем нечто гораздо худшее, убивая миллионы детей посредством аборта.

После детей-подкидышей настал черед узников и галерных гребцов. Тюрьмы того времени не были похожи на современные: то были зловонные, нежилые подземелья, где заключенные гнили заживо, ежедневно

ожидая еще более жестокой участи - дня, когда их соберется достаточно, чтобы образовать "цепь", то есть ряд узников, скованных друг с другом, которых отправляли в марсельский порт галерными гребцами: их приковывали цепью к деревянным скамьям вдоль проходов на судне - пять человек на каждое весло длиной в пятьдесят метров - сделав их, по словам одного историка, "живыми рычагами, чтобы корабль бежал по волнам в ритме, отмеренном плеткой с железными узлами".

Итак, Винсент стал главным капелланом всех галер королевства и послал на них своих дочерей милосердия, для которых приказал построить маленькие дома рядом с тюрьмами.

Вот как он объяснил им их новую задачу и вот какой логикой он руководствовался:

"После того как мы создали "общины милосердия" при приходах, Бог в награду нам дал Отель-Дье (больницу); затем, довольный нами, чтобы вознаградить нас. Он доверил нам подкидышей, а потом, увидев, что мы все приняли с милосердной любовью. Он сказал: "Я желаю дать им новое поручение!". Да, сестры мои, его дал нам Сам Бог, никто из нас об этом не думал, ни госпожа де Марийяк, ни еще менее того - я. Но что это за новое поручение? Это помощь несчастным каторжникам! О, сестры мои, какое счастье - служить этим бедным каторжникам, отданным в безжалостные руки! Я видел, что с этими бедолагами обращаются, как со скотом, и именно поэтому Бог сжалился над ними!".

По убеждению Винсента, Бог по-прежнему продолжает избирать их потому, что тот, кто говорит: "дочери милосердия", говорит: "дочери Божьи", и Бог хочет, чтобы именно Его дочери служили беднейшим из бедных.

Думая об этом предприятии, нам нужно попытаться воочию представить себе, о чем идет речь: Винсент требовал от своих "дочерей", чтобы они оказывали любую материальную и духовную помощь: мыли тюремные камеры, стирали белье каторжников, ежедневно готовили им суп, ободряли их, ухаживали за больными, бинтовали им раны, провожали их крестным путем к кораблям и там, в порту, вновь начинали оказывать им всевозможную помощь.

И все это - без ложной стыдливости и без брезгливости: им пришлось опуститься на самое дно общества, слышать грубости и непристойные предложения охранников и каторжников, сносить мучительные тяготы и клевету и уметь себя защищать умно и осмотрительно (и Винсент дает на то очень точные указания!). Одним словом, как он говорил, они должны были "быть как лучи солнца, которые постоянно падают на грязь, но, несмотря на это, остаются чисты".

К уходу за каторжниками впоследствии, во время частых войн, добавился уход за солдатами. Дочерей милосердия посылали на поля сражений, чтобы "как-то восстановить то, что люди захотели разрушить, чтобы сохранить жизнь там, где люди хотят уничтожить ее".

В опустошенных землях и селениях Винсент организовал центры помощи, сбора и сортировки продовольствия и всего необходимого, и дело его приобрело такой размах, что оставило далеко позади помощь, организацией которой занимались королевские министры. Но это было еще не все. На окраине Парижа его сподвижники собирали толпы бродяг-стариков, деклассированных элементов, калек, припадочных, людей, отвергнутых обществом: короче говоря, всех тех, кого в то время называли одним словом: "сумасшедшие".

Винсент не питал иллюзий. Он писал: "Все это - люди безумные и отчужденные, душа их крайне искалечена и все они враждебно относятся друг к другу и постоянно ссорятся".

Не колеблясь, он вновь повторял свою проповедь и свои обычные рассуждения, в которых был свято убежден:

"Сестры мои, вновь повторяю вам, никогда не существовало сообщества людей, которые должны были бы хвалить Бога больше, чем мы! Разве есть какое-нибудь из них, которое занимается нашими бедными безумцами? Нет, такого нет. И вот это счастье досталось вам! О, дочери мои, как благодарны вы должны быть Богу!".

Только однажды Винсент решительно отказался от своего дела: это произошло, когда главная организация, которая занималась беднотой, попыталась решить труднейшую проблему: что делать с нищими, которые наводняли город и устраивали там подлинные центры организованной преступности. Эта организация приняла

проект "Великого заточения", согласно которому все нищие или те, кто не мог найти постоянной работы, должны были попасть в большие "общие больницы".

Таким образом возникло бы два "города": с одной стороны, город, населенный респектабельными людьми, а с другой - город, населенный людьми второго сорта.

Первые замкнулись бы в своем эгоизме, вместо того, чтобы проявлять милосердие, а вторые стали бы жертвой своих собственных пороков.

Винсент осудил этот проект. Он не мог предложить никакого решения проблемы в целом, но попытался прежде всего пророчески указать новые возможные пути поисков.

Среди огромного количества бедноты многие пожилые люди были бывшими ремесленниками, которые пошли по миру из-за безработицы или разорения. Он выбрал из их числа тех, кто казался ему приличнее и трудолюбивее остальных (двадцать мужчин и двадцать женщин) и приставил к ним рабочих, помогавших им снова взяться за дело и обрести вкус к работе, которая бы подходила им по возрасту и могла бы принести им кое-какой заработок. Он даже приказал им проводить нечто вроде производственных собраний.

Таким образом возникли центры, помогавшие людям возвращаться к труду. Винсент часто в течение нескольких часов отдыхал там, беседуя со своими старичками, вновь ставшими добросовестными тружениками.

Конечно, такой путь был пригоден не для всех, но для общества того времени он стал точкой отсчета, образцом решения социальных проблем с христианских позиций.

Винсент стремился также помочь тем, кому насильственное заключение в больницу нанесло бы вред: пожилым людям, которые хотя и были нищими, однако сохранили семейные связи и были бы насильственно разлучены с близкими, так как по закону мужчины и женщины должны были содержаться в разных отделениях.

Винсент устроил для них "малые дома", где нищие супруги могли жить вместе.

Это начинание также не могло разрешить серьезной проблемы, но указывало путь, вселяло надежду, являло собой пример разумной благотворительности.

Что касается всех остальных, Винсент боролся всеми силами за то, чтобы между двумя мирами не было непреодолимой преграды, и многие, вдохновляясь его милосердием, переходили из одного мира в другой, чтобы помогать нищим.

И это была не только добровольная помощь: господин Винсент стал фактически чуть ли не королевским министром, он беседовал с королями и королевами, с Ришелье и Мазарини, с провинциальными и городскими властями и организовывал повсюду общества мужчин и женщин, оказывавшие всем нуждающимся самую разнообразную помощь.

За это Винсент еще при жизни заслужил почетное наименование "отца отечества".

Когда король Луи XIII, прозванный Справедливым, в 1643 году был при смерти, он приказал позвать к своему одру Винсента и сказал ему: "Господин Винсент, если я выздоровлю, я хочу, чтобы все епископы три года провели в вашем доме". Винсент помог ему умереть как святому.

После смерти короля королева Анна Австрийская выбрала Винсента своим советником, и он стал влиятельным общественным деятелем, чем-то вроде министра социального обеспечения, и без стеснения пользовался этим, чтобы укрепить все свои начинания: умножать количество миссий, основывать семинарии, снабжать больницы и благотворительные организации.

Однако он защищал и церковное вероучение: когда его назначили членом и секретарем так называемого Совета совести (это было нечто вроде министерства по делам религии во Французском королевстве, и в течение девяти лет Винсенту пришлось иметь дело с кардиналом Мазарини), он, насколько мог, старался оказывать влияние на назначение епископов, чтобы отдать епархии в хорошие руки, и вел непрестанную борьбу с распространявшейся тогда ересью янсенизма.

Историки утверждают, что ее осуждение Папой Иннокентием X было заслугой Винсента.

Это интересный момент: человек, который был всецело занят вопросами благотворительности, считал еще более

важным делом защиту ортодоксального церковного вероучения.

"С самого моего детства, - писал он, - я всегда питал в душе тайный страх, и больше всего я боялся, как бы по несчастью не впасть в какую-нибудь ересь, из-за которой я мог бы отпасть от веры и утратить ее".

Вот в чем состояло величие в те времена нищеты и смуты: вера оставалась для всех бесспорной истиной, и все - богатые и бедные (Ришелье, боровшийся за власть, и Винсент, боровшийся за дело милосердия) - в конечном счете ощущали себя принадлежащими Христу, Его Церкви и сопричастными к спасению, в них пребывающему.

Бремон писал: "Винсент де Поль стал святым не потому, что был милосерден, но именно его святость сделала его поистине милосердным".

А святость есть безраздельная самоотдача Христу и Церкви.

Это замечание поразительной глубины. Среди христиан часто бытует убеждение, что главное - это делать добро ближнему и что его в конечном счете может творить любой человек, даже если он не верит в Христа и не принадлежит к Церкви, а поэтому со всеми можно установить братские отношения, преодолев различие убеждений в вопросах веры, которое, напротив, может стать причиной разделения. Даже Вольтер с иронией называл Винсента де Поль "своим святым" - единственным, который его устраивал.

Но Винсент де Поль не дал бы себя уловить так легко. В фильме Господин Винсент есть эпизод, когда святой наставляет одну из "дочерей милосердия", начинающую свою миссию. Его слова не являются исторически достоверными, но прекрасно характеризуют метод его действий и его душевный настрой. "Жаннетта, - говорит он ей, - я хотел видеть тебя. Я знаю, что ты мужественна и добра. Завтра ты пойдешь к бедным впервые. У меня не всегда была возможность поговорить с теми, кто шел к бедным впервые. Увы, никогда не делаешь того, что надо было бы! Но с тобой, самой молодой, последней, я должен говорить, потому что это важно. Запомни хорошенько, запомни это хорошенько, навсегда! Ты скоро убедишься в том, что милосердие - это тяжелое бремя. Более тяжелое, чем ведро с супом и корзина хлеба. Но ты будешь по-прежнему нежна и сохранишь свою улыбку. Дать бульон и хлеб - это еще не все. Это могут делать и богачи. Но ты - маленькая служанка бедных, дочь милосердия, ты всегда улыбаешься и всегда в хорошем настроении. Бедные - твои господа, господа страшно раздражительные и требовательные. Ты в этом убедишься. Так вот, чем более отвратительными и грязными, несправедливыми и грубыми они будут, тем больше ты их будешь любить... И только за эту любовь бедные простят тебе хлеб, который ты им дашь".

В фильме это всего лишь удачная сцена, но в жизни Винсент объяснял, какой горячей должна быть эта любовь, искупавшая сами дела милосердия.

Он говорил:

"Основная цель, ради которой Бог призвал нас, - это любить Господа нашего Иисуса Христа... Если мы хоть на минуту забудем, что бедные суть члены Христовы, то в нас неизбежно оскудеют нежность и любовь".

И действительно, любовь рождается от постоянного, неизменного созерцания живого, признанного, любимого Иисуса.

Биограф Винсента пишет: ""Иисус!" - это было последнее слово, которое он произнес перед началом агонии".